

EDN: VAACWF
УДК 72.01

The Category of the Sublime and the Art of Architecture in the I. Kant's Aesthetics

Natalya N. Pimenova*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 02.05.2024, received in revised form 14.05.2024, accepted 15.05.2024

Abstract. The interest of this study lies in the field of architectural aesthetics, and that is why it is carried out on the basis of the analysis of the first part of I. Kant's fundamental work «Critique of Judgment», his main work in the mainstream of aesthetics. The text of the «Critique of Aesthetic Judgment» is examined from the perspective of the content of two key aesthetic categories – the beautiful and the sublime. The study also examines the systematization of types of art in the work of I. Kant, which is based on the word, gesture or tone as a means of communication and expression. Architecture, according to I. Kant, is part of the group of fine arts, or «the arts of expressing ideas in sensory contemplation». This already indicates that the foundations of the Vitruvian idea of architecture, which existed until the 18th century, as a union of exclusively utility, strength and beauty, are somewhat displaced in Kant's idea of architecture as an art form. And the fact that the philosopher still considers architectural monuments as examples of the sublime allows us to discover an internal contradiction: architecture can only lead to the beautiful, but at the same time it is precisely it that allows us to vividly illustrate the sublime. And this moment allows us to detect a turn in aesthetics, which subsequently made it possible to look at architecture as an art form capable of carrying out supersensible ideas.

Keywords: aesthetics of Immanuel Kant, “Critique of Judgment”, sublime, beautiful, architectonics, architecture.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Pimenova N. N. The category of the sublime and the art of architecture in the I. Kant's aesthetics. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(7), 1296–1310.
EDN: VAACWF

Категория возвышенного и искусство архитектуры в эстетике И. Канта

Н.Н. Пименова

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Интерес данного исследования лежит в поле эстетики архитектуры, и именно поэтому оно проводится на материале анализа первой части фундаментального труда И. Канта «Критика способности суждения», его главного сочинения в русле эстетики. Текст «Критики эстетической способности суждения» рассмотрен с позиции содержания двух ключевых эстетических категорий – прекрасного и возвышенного. Также в исследовании рассматривается систематизация видов искусства в труде И. Канта, в основе которой положены слово, жест или тон как средства сообщения, выражения. Архитектура, согласно И. Канту, входит в группу изобразительных искусств, или «искусств выражения идей в чувственном созерцании». Уже это указывает на то, что основы просуществовавшего до XVIII века витрувианского представления об архитектуре как о союзе исключительно пользы, прочности и красоты, несколько смещены в представлении об архитектуре как виде искусства у Канта. И тот факт, что в примерах возвышенного философ все же рассматривает и памятники архитектуры, позволяет обнаружить внутреннее противоречие: архитектура способна привести только к прекрасному, но в то же время именно она позволяет ярко проиллюстрировать возвышенное. И этот момент позволяет обнаружить поворот в эстетике, позволивший впоследствии взглянуть на архитектуру как на вид искусства, способный проводить сверхчувственные идеи.

Ключевые слова: эстетика Иммануила Канта, «Критика способности суждения», возвышенное, прекрасное, зодчество, архитектура.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Пименова Н. Н. Категория возвышенного и искусство архитектуры в эстетике И. Канта. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(7), 1296–1310. EDN: VAACWF

Введение

Эстетика Канта повлияла на всю историю философии архитектуры в период истории после Канта, который продолжается по сей день. Это влияние существенно сказалось на том, как современный человек, в большей степени, конечно, профессионал в эстетике или архитектуре, видит архитектуру, какие представления о ней определяют наше восприятие этого вида искусства. Именно Кант совершил тот поворот, который преобразил эстетические воззрения на архи-

тектуру, изменив отношение к ней, просуществовавшее к тому времени более полутора тысячелетий.

Иммануил Кант описывал Просвещение словами «Sapere Aude», что означает «Осмелитесь быть мудрым», и текст «Критика способности суждения» ярко представляет этот тезис. Эта смелость мудрости, смелость мышления проявлена в том, что в этом труде анализируется именно процесс суждения. И рассматривается этот процесс суждения не механически, а с позиции всех необхо-

димых ему условий и характеристик, свойственных суждению как процессу и результату мышления. В этом эстетическом труде центральным является не нечто, что уже само по себе прекрасно или возвышенно, а то, как человек ощущает это как прекрасное или возвышенное, как он мыслит явление и переживает его как прекрасное или возвышенное.

Этот третий по счету фундаментальный трактат Иммануила Канта датирован 1790 годом, и несмотря на длительность своей истории, спустя более чем два века этот труд остается одним из наиболее значительных трудов по эстетике. Вопросы архитектуры не выделены автором в особую линию рассуждений, тем не менее текст Канта позволяет обнаружить новый для того времени взгляд на этот вид искусства.

Обзор исследований по теме

Тексты И. Канта критического периода имеют длительную историю изучения и комментирования. «Критика способности суждения» – не исключение, и исследования этого трактата проводятся и сегодня. Существенная часть публикаций – это статьи, выпущенные в «Кантовском сборнике» Балтийского федерального университета им. И. Канта (ранее – Калининградский государственный университет до 2005 г., Российский государственный университет имени И. Канта до 2010 г.). «Кантовский сборник» издается с 1975 г. (4 выпуска в год) и представляет собой научный журнал по вопросам философии – философский научный журнал, который является главным печатным изданием Кантовского общества России и Института Канта при БФУ им. И. Канта.

Большой блок исследований трудов И. Канта можно определить как изучение связи с предыдущей и влияния на последующую философию, эстетику, практику искусства. Это тексты, посвященные рассмотрению идей Канта в контексте XVIII века (Мееровский, 1985; Библер, 1997; Гусева, 2005; Герлах, 2010; Дубовицкий, 2011; Ноженко, 2021; Казакова, 2021), связи философии и эстетики И. Канта с преобразованиями в этих дисциплинах в продолжение

Нового и в Новейшее время (Townsend, 1987; Сидоров, 2011; Чихачев, 2017; Аванесян, 2021; Дариуш, 2019; Дятлова, 2022), а также связи идей Канта с практиками искусства (Abrams, 1989; Аронсон, 2009; Смолянская, 2009; Левина, 2011; Загороднева, 2012; Квокачка, 2020; Бралгин, 2021).

Еще один обширный блок работ можно определить как посвященный разным фокусам внимания к тексту «Критика способности суждения», это и проблема целесообразности, и сущность и роль воображения, и развитие представлений о философии, и отношение к философии науки, и пр. (Rogerson, 1982; Ойзерман, 1991; Тушлинг, 1991; Разеев, 2008; Костина, 2016; Гертнер, 2016; Судаков, 2017; Беляев, 2019; Пухова, 2020).

Значительный ряд исследований в первую очередь обращается к такой составляющей «Критики способности суждения», как телеологическая способность суждения (Корнилов, 1993; Разеев, 2009; Разеев, 2010; Корнилов, 2020).

И, конечно, эстетическая способность суждения и рассматриваемые в ней эстетические категории и закономерности суждения, взгляды И. Канта на искусство и саму природу эстетического переживания в человеке составляют также существенный блок исследований этого трактата философа (Афасижев, 1975; Волжин, 2017; Викулина, 2021; Магомедова, 2020; Калининников, 1977; Пылькин, 2019; Бралгин, 2021; Столович, 1991; Гуревич, 2015; Дмитревская, 1991; Степанов, 2017; Никитина, 2017; Chignell, 2007; Ginsborg, 2008; Данто, 2018).

Методология

Ключевой метод данного исследования – источниковедческий анализ: анализ научных публикаций, посвященных эстетике И. Канта, и анализ самого текста «Критика способности суждения», позволяющий посредством конспектирования и систематизации материала обнаружить сущностные свойства представленной в тексте позиции и сформировать целостную картину об эстетике И. Канта и его взглядах на архитектуру.

Результаты

Категория возвышенного в эстетике И. Канта

Трактат «Критика способности суждения» И. Канта впервые вышел в Берлине в 1790 г. Этот текст состоит из предисловия, введения и двух частей: «Критика эстетической способности суждения», в которой обсуждаются искусство и эстетические категории, и «Критика телеологической способности суждения», посвященная суждению о природе. Стоит отметить, что примеры суждения о природе фигурируют и в первой части, в связи с рассуждением о возвышенном, которое, как показывает Кант, возникает в переживании и мышлении человека по отношению к явлениям природы – масштабным и впечатляющим, которые непременно существенно больше человека и существенно больше того, что он может помыслить.

В свою очередь, «Критика эстетической способности суждения» включает два раздела – это «Аналитика эстетической способности суждения» и «Диалектика эстетической способности суждения».

В «Критике способности суждения» понятия прекрасного и возвышенного, впервые использованные Кантом в одном из сочинений докритического периода («Наблюдения над чувством возвышенного и прекрасного», 1764 г.), предстают как фундамент эстетики философа и детально разрабатываются им. А также эти понятия выступают ключевыми для систематизации «Критики эстетической способности суждения», разделенной автором на две части: «Книга первая. Аналитика прекрасного» (включает параграфы 1–23) и «Книга вторая. Аналитика возвышенного» (параграфы 23–54).

В основу такого деления – на критику эстетического и телеологического суждения, Кантом положено представление о родах целесообразности, в котором представление о целесообразности первого рода связано с чувством удовольствия, а о целесообразности второго рода – нет, и относится только к рассудку. В свою

очередь, критика каждой из способностей суждения описывается с помощью подразделов «Аналитика» и «Диалектика». Так, в «Аналитике прекрасного» Кант рассматривает суждения вкуса, особенность которых – отсутствие понятия, под которое бы подводились ощущения, а в «Аналитике возвышенного» разбирает само понятие возвышенного, а также выделяет и описывает его виды (математическое и динамическое возвышенное). Введение служит как пояснением принципов построения труда, так и полем характеристики способности суждения и ее видов. Именно здесь способность суждения определяется автором как то, что опосредует деятельность таких познавательных способностей, как рассудок и разум. И исключительно способность суждения выступает здесь как связывающая две части философии – теоретическую, имеющую дело с понятиями природы, и практическую, обращенную к понятиям свободы.

Способность суждения, по мнению Канта, составляет «в системе наших познавательных способностей промежуточное звено между рассудком и разумом» (Кант, 1994: 38), и ее рассмотрение необходимо, поскольку критика способности суждения представляет собой часть критики чистого разума. Главными вопросами этого труда автор в предисловии к нему определяет следующие: «Обладает ли способность суждения ... также своими априорными принципами, конститутивны ли они или только регулятивны (следовательно, не имеют собственной области), и дает ли она чувству удовольствия и неудовольствия как промежуточному звену между способностью познания и способностью желания априорное правило (так же, как рассудок предписывает априорные законы первой, а разум – второй)...» (Кант, 1994: 38).

Ключевыми двумя эстетическими категориями в труде И. Канта выступают прекрасное и возвышенное. Чтобы определить их содержание, философ тщательно их сравнивает, сопоставляет и разграничивает.

Одна из общих черт двух этих эстетических суждений состоит в том, что эти су-

ждения не являются следствием прекрасности или возвышенности как свойства самих явлений, а также не влияют на эти объекты суждения в дальнейшем. И оба этих суждения не являются логическими выводами о предмете рассмотрения, результатом его логического познания. Итак, логический результат познания предмета и эстетическое суждение не равны друг другу: «...эстетическое суждение содержит только отношение представления о предмете к субъекту» (Кант, 1994: 79), в отличие от логического как результата познания предмета, открывающего свойства самого объекта. Хотя, конечно, когда человек исследует объект, размышляет о нем, то есть рефлексировывает объект и составляет знание о нем – это тоже суждение, но иное – логическое.

А также и прекрасное, и возвышенное выступают субъективными суждениями, так как не определены всецело некоторым объективным свойством предмета. Суждения возникают между объектом и субъектом, на границе субъекта и объекта, в их взаимодействии как его результат. В тексте «Критики способности суждения» суждение определяется как возникающее на границе, но происходящее скорее на территории субъекта – в игре рассудка или разума. Однако объект служит значимым стимулом этого процесса, а потому причастен к процессу порождения суждения. При этом, как поясняет Кант, человек же, наоборот, склонен мыслить суждение как порожденное исключительно объектом, принадлежащее ему (не суждение есть прекрасное, а объект прекрасен), а потому «... говорит о прекрасном так, будто красота есть свойство предмета и суждение о ней есть логическое суждение (познание объекта посредством понятий о нем); между тем это лишь эстетическое суждение и содержит только отношение представления о предмете к субъекту; сходство его с логическим суждением в том, что оно позволяет предположить его значимость для каждого» (Кант, 1994: 79). В целом оба эти суждения, и в особенности возвышенное, в большой степени зависят от идей, содержащихся в разуме субъекта: «... возвышенное в собственном смыс-

ле слова не может содержаться ни в одной чувственной форме и относится лишь к идеям разума; хотя соответствующее им изображение невозможно, они именно вследствие этого несоответствия, которое может быть изображено чувственно, возбуждаются и проникают в душу. Так, огромный, разбушевавшийся океан не может быть назван возвышенным; его вид ужасен. И душа должна быть уже полна рядом идей, чтобы в подобном созерцании проникнуться чувством, которое само возвышенно; она побуждается оставить чувственность и заняться идеями, содержащими более высокую целесообразность» (Кант, 1994: 115). В то же время, несмотря на субъективность прекрасного и возвышенного как суждений, оба они претендуют на общезначимость, универсальность, т.е. значимость не только для конкретного субъекта, а разделяемую и другими людьми. Вот как сравнивает эти категории Кант: «Общность прекрасного и возвышенного состоит в том, что оба они нравятся сами по себе. А также в том, что оба они предполагают не чувственное и не логически определяющее суждение, а суждение рефлексии; следовательно, благорасположение зависит в обоих случаях не от ощущения, например, приятного и не от определенного понятия, как благорасположение к доброму; однако при этом оно все-таки соотносено с понятиями, хотя и не определяется с какими; и, таким образом, благорасположение связано только с изображением или способностью изображения, посредством чего эта способность изображения или воображения рассматривается при данном созерцании в соответствии со способностью рассудка или разума давать понятия как нечто им содействующее. Поэтому оба суждения единичны и тем не менее объявляют себя общезначимыми для каждого субъекта, хотя они и притязают только на чувство удовольствия, а не на познание предмета» (Кант, 1994: 113–114).

Кант определяет и различия прекрасного и возвышенного. В определении прекрасного важно то, что оно представляет собой игру воображения субъекта по пово-

ду объекта, и это происходит на уровне его рассудка. От подобной игры субъект и получает удовлетворение. Тогда как возвышенное – это игра воображения с разумом, и эту игру Кант считает серьезным занятием воображения. Это уже не игра, поскольку разум в ходе нее выходит за пределы: за пределы игры, за пределы удовлетворения и за пределы самого себя в том числе.

Согласно эстетике И. Канта, переживание возвышенного, возвышенное как суждение – это осознание разумом своих границ и одновременно его способности вместить то, что для него безгранично, что он целиком не ощущает. Возвышенное описывается Кантом многоступенчатым образом. Итак, легкости игры в работе разума в ходе переживания возвышенного уже нет, но и оно приносит удовлетворение, хотя это нельзя назвать удовольствием в полном смысле, так как оно сложнее. В отношении прекрасного удовлетворение еще связано с объектом и его формой, которая привлекательна, и такой объект притягивает субъекта при их взаимодействии. Именно поэтому, согласно Канту, прекрасное – это когда при созерцании, при этой игре рассудка и воображения, при возникновении суждения человек испытывает покой. Тогда как возвышенное связано с волнением, причем с волнением таким, которое Кант уже описывает как очень полярное волнение: это волнение нельзя назвать только приятным, а возвышенное – обладающим привлекательностью. Такие примеры приводит Кант, чтобы пояснить волнение, возникающее в переживании возвышенного при встрече человека с природой: «Удивление, граничащее со страхом, ужас и священный трепет, охватывающий человека при виде вздымающихся гор, глубоких бездн с клочущей в них водой, мрачных, приглашающих к грустному раздумью пустынь и т.д. ...» (Кант, 1994: 140). Возвышенное вызывает волнение еще и потому, что оно и привлекает, и отталкивает субъекта одновременно: «Представляя возвышенное в природе, душа ощущает себя взволнованной... Эту взволнованность можно сравнить с потрясением, то есть быстро сме-

няющимся отталкиванием и притяжением одного и того же объекта» (Кант, 1994: 128). Это такой объект, и человеческое суждение о нем таково, что здесь не находится только лишь позитивного удовольствия: человек, проживая возвышенное, может испытывать уважение, испытывать страх и трепет, а также переживать потрясение тем, что его разум вмещает нечто, что не способен вместить. Это переживание комплексно, и оно не только привлекательно и позитивно, по мнению философа, но и негативно – ужасает и потрясает: «Поэтому возвышенное и несовместимо с привлекательностью; и поскольку душа не просто притягивается к предмету, но и отталкивается им, в благорасположении к возвышенному содержится не столько позитивное удовольствие, сколько восхищение или уважение, и поэтому оно заслуживает названия негативного удовольствия» (Кант, 1994: 114). Это то потрясение и волнение, которые при созерцании возвышенного и при этом возвышенном как суждении возникают у субъекта, тогда как прекрасному свойственна привлекательность.

Сопоставление двух ключевых эстетических категорий в трактате И. Канта позволяет определить специфику возвышенного. Итак, прекрасное представляет собой игру воображения с рассудком, тогда как возвышенное – «серьезное занятие воображения» во взаимодействии с разумом. Возвышенное одновременно и привлекает субъекта, и отталкивает: «... не столько позитивное удовольствие, сколько восхищение или уважение, и поэтому оно заслуживает названия негативного удовольствия». При этом прекрасное исключительно привлекает: в том числе в заголовке параграфа 6 Кант определяет прекрасное как «... то, что без понятий представляется как предмет всеобщего благорасположения». С этим связано и то, что возвышенное прекрасное при его созерцании и переживании оборачивается состоянием волнения, тогда как прекрасное – состоянием покоя. И это именно субъективное суждение, не случайно характеристики эстетических суждений содержат такой эмоциональный заряд,

как сопоставление покоя и волнения. Кант фиксирует, что возвышенное как суждение «... остается при этом всегда лишь эстетическим, поскольку оно, не обладая в качестве основания определенным понятием объекта, представляет лишь субъективную игру душевных способностей (воображения и разума) – даже посредством самого их контраста – как гармоническую» (Кант, 1994: 128).

Чувство возвышенного, согласно эстетике И. Канта, вернее всего определить как сознание сверхчувственного, мышление идей, которые превосходят все чувственно явленное: «... воображение и рассудок посредством своего согласия создают субъективную целесообразность, воображение и разум создают ее здесь посредством противоречия друг другу, а именно возбуждают в нас чувство, что мы обладаем чистым самостоятельным разумом или способностью к определению величин; это превосходство может стать наглядным лишь в проявлении недостаточности той способности, которая в изображении величин (чувственно воспринимаемых предметов) сама безгранична» (Кант, 1994: 128). Возвышенное – это суждение, возникающее в человеческом разуме, но оно же объемнее и масштабнее, чем то, что являет собой сам субъект. Таким образом, человеческому разуму в процессе суждения подвластно все, с чем он в этом мире соприкасается непосредственно и опосредованно. Разум способен это заметить, согласно Канту, когда обнаруживает собственную возможность вместить в свое сознание бесконечное, мыслить больше, чем только свой опыт и внешние ощущения, чем весь возможный чувственный опыт: «Бесконечное велико абсолютно (не только сравнительно). В сравнении с ним все остальное (из величин того же рода) мало. Но – и это самое главное – даже только возможность мыслить его как целое свидетельствует о такой способности души, которая превосходит все масштабы чувств» (Кант, 1994: 124). Субъект в этом переживании возвышенного застаёт себя как мыслящего нечто, что с ним никоим образом несопоставимо.

Это позволяет Канту также заключить о том, что ни одна чувственная форма не является возвышенным, возвышенным являются лишь идеи – идеи разума, которые возникают в соприкосновении к какой-то формой: «Возвышенное в собственном смысле слова не может содержаться ни в одной чувственной форме и относится лишь к идеям разума» (Кант, 1994: 115). В то же время возвышенное – это то, что признается нами, людьми, как великое «сверх всякого сравнения»: «Возвышенным мы называем то, что безусловно велико» (Кант, 1994: 117) – так определяет его философ в части, посвященной математическому возвышенному.

Волнение, переживаемое в возвышенном, вызвано тем, что субъект переживает сверхчувственное, чрезмерное для себя: «Представляя возвышенное в природе, душа ощущает себя взволнованной... Эту взволнованность можно сравнить с потрясением, то есть быстро сменяющимся отталкиванием и притяжением одного и того же объекта. Чрезмерное для воображения (до пределов которого оно доводится при схватывании созерцания) – как бы пропасть, в которой оно боится потеряться; однако для идеи разума о сверхчувственном такое стремление воображения не чрезмерно, а закономерно...» (Кант, 1994: 128). По мнению Канта, в возвышенном достигается высота человеческого существа как близость к моральному: «... чувство возвышенного в природе невозможно мыслить, не связав с ним ту настроенность души, которая близка настроенности к моральному...» (Кант, 1994: 139). Возвышенное – своеобразный проводник морали и ее обнаружение в человеческом существе. Тем более что, как уже сказано выше, возвышенное наблюдается именно в субъекте – в его душе, в его разуме, а не во внешних ему, пусть даже самых великих, явлениях: «... истинную возвышенность надлежит искать только в душе того, кто выносит суждение, а не в объекте природы, суждение о котором вызывает эту настроенность. Да и кто назовет возвышенным бесформенные скопления гор, в диком беспорядке вздыбленные друг над другом, с их глыбами льда, или

мрачное бушующее море и т.д.? Но душа чувствует себя возвысившейся в собственном суждении, когда она, предаваясь при их созерцании, совершенно независимо от их формы, власти воображения и приведенного с ним в связь, хотя и без определенной цели, разума, лишь расширяющего воображение, обнаруживает, что вся мощь воображения все-таки несоизмерна идеям разума» (Кант, 1994: 126).

Искусство архитектуры в эстетике И. Канта

Искусство архитектуры рассмотрено в эстетике Иммануила Канта не как отдельное явление, а в комплексе с другими видами искусства. Простой подсчет прямых указаний на архитектуру в тексте «Критика способности суждения» позволяет увидеть, что автор не стремится особым образом сфокусироваться на этом виде искусства: слово «зодчество», которое используется в отношении архитектуры в тексте, употреблено Кантом всего шесть раз. И это несмотря на то, что во время создания «Критики способности суждения» складывается академическая система мышления об архитектуре как о «большом» виде искусства, объединяющем все другие виды теми принципами, которые лежат в основе архитектуры определенного стиливого языка, и стилеобразующем. Как это происходило в классицизме, например, стиле-современнике И. Канта, тщательно рефлексировавшем по поводу архитектуры в рамках подхода академий художеств.

В этом труде философом предпринята попытка группировки видов искусства, что не стало сильной стороной его эстетики, но позволяет обнаружить место архитектуры в этой определяемой Кантом системе. И в этом эстетическом труде важным является свойство коммуникативности, которое положено как в основу систематизации видов искусства, так и в основу представлений о ведущих эстетических категориях. Ни одна из этих категорий не является принадлежащей какому-то явлению, явление само по себе не есть прекрасное или возвышенное, ведь прекрасное и возвышен-

ное – это суждение, это то, что проживает и переживает человек в этом мышлении, в игре его воображения, его разума и рассудка. И на вопрос о систематизации видов искусства И. Кант также отвечает, учитывая коммуникативность природы искусства как формы передачи некоего сообщения. В параграфе 51 «О делении прекрасных искусств» Кант пишет: «Если, следовательно, мы хотим дать деление прекрасных искусств, то в качестве наиболее удобного принципа для этого нам надлежит, по крайней мере в виде попытки, избрать аналогию искусства с тем способом выражения, которым люди пользуются в разговоре, чтобы как можно более полно сообщить о себе друг другу, то есть не только свои понятия, но и ощущения. Этот способ выражения состоит в слове, жесте и тоне (артикуляции, жестикуляции и модуляции). Только при соединении этих трех видов можно полностью выразить то, что хочет сообщить говорящий. Ибо таким образом мысль, созерцание и ощущение одновременно и в соединении передаются другому» (Кант, 1994: 194). Таким образом, в качестве критерия систематизации видов искусства, их объединения в группы И. Кантом выбран «способ выражения», и каждой группе соответствует свой способ, в основе которого лежит слово, жест или тон. Коммуникативность как принцип выражена здесь и в том, что Кант вводит рассмотрение искусства по аналогии со способами выражения, допуская, что искусство есть выражение, сообщение. Это попытка выявить не внешние признаки, объединяющие виды искусства, как, например, в случае разделения их на пространственные и временные, а некие внутренние значимые характеристики. Вероятно, это приводит к тому, что это объединение в группы не во всех случаях оказывается очевидным. Виды искусства представлены философом в трех группах: «Существуют только три вида прекрасных искусств: словесное, изобразительное и искусство игры ощущений (в качестве впечатлений внешних чувств)» (Кант, 1994: 194).

1. Виды искусства, в основе которых слово: «К словесным искусствам относятся красноречие и поэзия...» (Кант, 1994: 195).

2. Виды искусства, в основе которых жест: «Изобразительные искусства или искусства выражения идей в чувственном созерцании (не посредством представлений воображения, которые возбуждаются словами) – это либо искусство чувственной истины, либо искусство чувственной иллюзии»; пластика – «ваяние и зодчество», живопись, декоративное садоводство (Кант, 1994: 195–196).

3. Виды искусства, в основе которых тон: «Искусство прекрасной игры ощущений»: музыка и «искусство колорита» (Кант, 1994: 198). При этом музыку Кант определяет как искусство, которое настолько искусно использует тон, что доводит его модуляцию до такого уровня, который «позволяет ей возбуждать в слушателях идею, даже не прибегая к словам» (Прозерский, 2015: 386). Что именно Кант называет «искусством колорита», он не поясняет. Есть версии, которые предполагают, что это может быть орнамент или же танец, где колорит относится не к пластике тела, а к костюму танцовщика. А если учитывать объединение этого вида искусства с музыкой, то, возможно, Кант был знаком с изобретением Луи-Бернара Кастеля – «цветовым клавиром/ клавесином», «прообразом будущих цветомузыкальных инструментов» (Прозерский, 2015: 386–387). Однако это гипотезы, поскольку точных пояснений об «искусстве колорита» у самого Канта не имеется.

Итак, группы видов искусства, выделенные И. Кантом, демонстрируют представление об искусстве как о сообщении, о выражении чего-либо тремя ключевыми средствами – средствами слова, жеста и тона. Архитектура отнесена Кантом в изобразительные виды искусства, основу которых составляет рисунок, а главным средством выступает жест. И несмотря на зарождающиеся в XVIII веке академические представления о главенствующей роли зодчества, эстетика Канта не выделяет его как особо значимое искусство. И сама архитектура выступает в роли подчиненной – она подчинена, как и другие виды этой группы, рисунку.

Таким образом, зодчество также попадает в разряд тех явлений, которые связаны с понятием прекрасного, а не возвышенного. Ведь прекрасное – это такое суждение, которое возникает при взаимодействии и игре воображения с формой, с красотой формы, с тем, что нравится только своей формой и очень часто ограничено тем, чего требует эта красивая форма. И это один вход эстетики Канта по поводу архитектуры. В частности, он соглашается с тем, что важным является определенное использование предмета, созданного искусством. В особенности это относится к архитектуре как к предельно функциональному виду искусства: «В зодчестве главное – определенное использование предмета, созданного искусством, и это как условие ограничивает эстетические идеи» (Кант, 1994: 196). Этот взгляд является также продолжением большой и длительно существовавшей до Канта традиции взгляда на архитектуру, согласно которому архитектура определяется двумя понятиями – пользой и красотой. Это эстетическая, красивая форма, которая предельно полезна. То есть архитектура, согласно И. Канту, попадает в разряд категории суждения прекрасного, в разряд таких объектов, которые способны участвовать в порождении прекрасного, но не возвышенного. В частности, он говорит о том, что возвышенное не стоит рассматривать на примерах того, что имеет некоторую целесообразность: «... следует обращаться не к возвышенному в произведениях искусства (например, к зданиям, колоннам и т.д.), где форму и величину определяет цель человека, не к природным вещам, понятие которых уже предполагает определенную цель (например, у животных, обладающих в природе определенным назначением), а к дикой природе...» (Кант, 1994: 122).

Однако стоит отметить некоторое противоречие в рассуждении И. Канта о зодчестве, ведь сам он, когда приводит примеры возвышенного, обращается к примерам архитектурных сооружений и делает это убедительно. Например, когда обращается к воспоминаниям французского генерала Савари о Египте или к восприятию собора

св. Петра в Риме при обсуждении математически возвышенного: «... чтобы ощутить все величие пирамид, к ним не надо подходить слишком близко, но не надо и отходить от них слишком далеко. Ибо если отойти слишком далеко, то части пирамиды (камни, лежащие друг на друге) воспринимаются лишь смутно и представление о них не оказывает воздействия на эстетическое суждение субъекта. Если же подойти слишком близко, то глазу требуется некоторое время, чтобы полностью охватить пирамиду, с ее основания до вершины; при этом всегда в какой-то степени затухают схваченные ранее части, прежде чем воображение успевает воспринять другие, и соединение никогда не бывает полным. Так же можно объяснить замешательство или своего рода растерянность, охватывающие, как утверждают, человека, впервые вступающего в собор святого Петра в Риме. У него возникает чувство несоответствия его воображения идеям целого, препятствующее тому, чтобы он мог их изобразить; воображение достигло своего максимума и при попытке расширить его оно возвращается к себе, ощущая при этом растроганность и благорасположение» (Кант, 1994: 122). Так писано Кантом то, что возникает при контакте с архитектурой, и стоит отметить, что описано это в контексте возникновения возвышенного, а не прекрасного. И в этом смысле Кант, с одной стороны, нам показывает, что архитектура – тот вид искусства, который определен и целью, и формой, и поэтому он то, что порождается рассудком в этой игре воображения и имеет возможность участвовать в порождении прекрасного. А с другой стороны, архитектура в этом ее максимуме, пределе оказывается тем, что может быть вовлечено в игру воображения и разума и выйти на формирование возвышенного. Это противоречие позволяет заключить, что архитектура в описании Кантом соединяет в себе эти части: она и входит в определенную группу видов искусства, эстетическое суждение о которых является прекрасным, и которые он называет прекрасными искусствами. А с дру-

гой стороны, это единственный из видов искусства, который, судя по приведенным замечаниям Канта в его эстетическом трактате, выходит за пределы прекрасного и способно быть воспринято как возвышенное. Это очень интересный разворот в рассуждении о зодчестве как виде искусства – как оно по-разному может быть пережито человеком. Хотя стоит отметить, что Кант в большей степени следует обозначенной им логике и приводит в качестве примеров возвышенного именно природные явления. И этот подход – рассмотрение архитектуры как прекрасного, ограниченного целесообразностью, как уже было сказано выше, имеет масштабную историю. По сути, это тот самый взгляд на архитектуру, что был влиятельным до Канта, ведь даже в XVIII веке он опирался на представление об архитектуре, сформированное еще в VII веке до нашей эры. Основу этого представления заложил Марк Витрувий Поллион в своем труде «Десять книг по архитектуре», написанном в I веке до н.э. (Витрувий, 1936). Именно Витрувий выводит признаваемую определяющей для зодчества триаду «польза, прочность и красота», где полезность и красота составляют две фундаментальные ценности архитектуры. И спустя 18 столетий одни из ключевых фигур Просвещения по-прежнему в своих текстах демонстрировали эту позицию. Как, например, «голос Просвещения» Шотландии Генри Хоум (1696–1782) или лидер немецкого Просвещения до появления И. Канта Кристиан Фрайхерр фон Вольф (1679–1754) (Guyer, 2011). Например, К. Ф. фон Вольф в своем трактате «О принципах архитектуры» утверждает, что «архитектура – это наука о строительстве здания таким образом, чтобы оно находилось в полном соответствии с намерениями архитектора», которые всегда состоят в том, чтобы создать структуру, которая была бы одновременно формально красивой, а также полезной и удобной. Таким образом, совершенство замысла может быть реализовано только через совершенство как формы, так и полезности в самом здании (Guyer, 2011: 8).

Заключение

Итак, 18 столетий подряд представления об архитектуре не менялись – она считалась эстетически прекрасной формой, которая добивается максимального уровня полезности за счет прочности. И в русле этого представления замысел, идея сооружения целиком и полностью сводятся к его функции, определяются ею. При этом можно утверждать, что именно Иммануил Кант совершает поворот в истории философии архитектуры, как это отмечают исследователи (Guyer, 2011). Поворот, который имеет ключевое значение для современного взгляда на архитектуру как вид искусства, который стал истоком формирования нового подхода к зодчеству. Подхода, которым не отрицается красота и польза, ведь на их основании и формируется прекрасное, но который не отрицает и возможностей архитектуры участвовать и в другой эстетической категории – в возвышенном. Важно, что вся эта большая концепция, которая была влиятельной до самого времени написания труда Иммануила Канта, здесь обретает точку для начала изменения. И своим совсем немногочисленным упоминанием архитектуры как вида искусства в тексте труда Кант начинает эти перемены, приведшие к той концепции архитектуры, которая уже воспринимается сегодня как вполне естественная. Подход, в котором архитектурное сооружение воспринимается, конечно, как предельно функциональное, но при этом одновременно также и как способное являть некую сверхчувственную идею, и в этом ее уникальное назначение. Архитектура как вид искусства, безусловно, по-прежнему красива, прочна и полезна. Но она не ограничена этим, а также

посредством своих форм, данных чувственному опыту, способна быть проводником к переживанию возвышенного, к сверхчувственной идее. Именно этот новый для XVIII столетия взгляд на архитектуру позволил в дальнейшем архитектуре также выдвинуться в концептуальные виды искусства, а специалистам видеть продуктивность анализа архитектурных сооружений с позиции выраженной в них идеи, смыслов, причем уже не только религиозной архитектуры (Жуковский, 2001; Миркес, 2005; Жуковский, 2006; Терехова, 2007).

Влияние «Критики способности суждения» на эпоху эстетической мысли после Канта отмечается исследователями как неоспоримое. В то же время это практически не касается утверждений исследователей в отношении изменений взглядов на архитектуру. И для этого есть весомые основания: архитектура не играет большой роли в кантовской эстетике, а представления Канта об архитектуре в том виде, в котором они фиксированы в его эстетическом труде, не заняли особого места в истории мысли об архитектуре. И тем не менее фокусированное изучение деталей обсуждения Кантом зодчества позволяет утверждать, что именно его эстетика совершает переход от распространенной и укорененной витрувианской концепции архитектуры к взгляду Нового времени (Guyer, 2011). К концепции, до настоящего времени влиятельной в области понимания архитектуры, в которой вес приобретает тезис о том, что всякое искусство включает в себя выражение «эстетических идей», т.е. выражение сверхчувственных идей в форме, дающей неисчерпаемый материал для игры человеческого воображения и разума.

Список литературы / References

- Abrams M. H. From Addison to Kant: Modern Aesthetics and the Exemplary Art. *In Doing Things with Texts: Essays in Criticism and Critical Theory*, 1989, 159–87.
- Afasizhev M. N. *Estetika Kanta [Kant's Aesthetics]*, 1975, 136.
- Aronson O. V. Obydennoye vozvyshennoye (kino po Zhan-Fransua Liotaru) [The ordinary sublime (film based on Jean-François Lyotard)]. In: *Filosofskiy zhurnal [Philosophical Journal]*, 2009, 1(2), 117–126.
- Avanesyan A. A. Vliyaniye kantianskoy kritiki sposobnosti suzhdeniya na razvitiye predstavleniya ob istoricheskom opyte v ramkakh filosofii Badenskoy shkoly neokantianstva [The influence of Kantian crit-

icism of the faculty of judgment on the development of the idea of historical experience within the framework of the philosophy of the Baden school of neo-Kantianism]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy]*, 2021. 1, 180–188.

Belyayev I. V. Znachenije sposobnosti voobrazheniya v «Kritike chistogo razuma» i «Kritike sposobnosti suzhdeniya» Kanta [The meaning of the faculty of imagination in Kant's «Critique of Pure Reason» and «Critique of Judgment»]. In: *Alleya nauki [Science Alley]*, 2019, 1(10), 90–93.

Bibler V. S. *Vek Prosveshcheniya i kritika sposobnosti suzhdeniya. Didro i Kant [The Age of Enlightenment and the Critique of Judgment. Diderot and Kant]*, 1997, 46.

Bralgin Ye. YU. Sovremennyy gornyy peyzazh kak iskusstvovedcheskaya problema: k istorii voprosa ob esteticheskoy kategorii «vozvyshennogo» I. Kanta [Modern mountain landscape as an art historical problem: on the history of the issue of the aesthetic category of the “sublime” by I. Kant]. In: *Khudozhestvennaya kul'tura Sibiri i sopredel'nykh territoriy: stranitsy proshlogo i sovremennost' [Artistic culture of Siberia and adjacent territories: pages of the past and modernity]*, 2021, 76–78.

Chignell A. Kant on the normativity of taste: The role of aesthetic ideas. In: *Australasian Journal of Philosophy*, 2007, 85(3), 415–433.

Chikhachev D. M. Ponyatiye «analogii» v «Kritike sposobnosti suzhdeniya» Kanta i posleduyushcheye razvitiye nemetskogo transtsendentalizma [The concept of «analogy» in Kant's «Critique of judgment» and the subsequent development of German transcendentalism]. In: *Transtsendental'nyy povorot v sovremennoy filosofii (I): metafizika, teoriya opyta, teoriya soznaniya [The Transcendental Turn in Modern Philosophy (I): Metaphysics, Theory of Experience, Theory of Consciousness]*, 2017, 66–68.

Danto A. Chto takoye iskusstvo? [What is art?], 2018, 168.

Dariush P. Neo-vozvyshennoye: sovremennyye tolkovaniya klassicheskoy estetiki [Neo-sublime: modern interpretations of classical aesthetics]. In: *Novyy filologicheskiy vestnik [New Philological Bulletin]*, 2019, 2(49), 16–29.

Dmitrevskaya I. V. Sposobnost' suzhdeniya i problema ponimaniya [The ability of judgment and the problem of understanding]. In: *Kantovskiy sbornik: Mezhdunarodnyy tematicheskiy sbornik nauchnykh trudov [Kant collection: Interuniversity thematic collection of scientific works]*, 1991, 1, 112–118.

Dubovitskiy V. V. Fenomeny strakha i uvazheniya v estetike vozvyshennogo Edmunda Borka i Immanuila Kanta (Sravnitel'nyy analiz) [Phenomena of fear and respect in the aesthetics of the sublime Edmund Burke and Immanuel Kant (Comparative analysis)]. In: *Psikhologiya i psikhotehnika [Psychology and psychotechnics]*, 2011, 12, 6–14.

Dyatlova D. D. Rol' kantovskogo ponyatiya «voobrazheniye» v kontseptsii istoricheskogo suzhdeniya Khanny Arendt [The role of Kant's concept of “imagination” in Hannah Arendt's concept of historical judgment]. In: *IV Letnyaya shkola po izucheniyu naslediya Immanuila Kanta. Ucheniye Kanta o voyne i mire v filosofii Prosveshcheniya i nemetskogo idealizma: sbornik tezisov dokladov [IV Summer School for the Study of the Legacy of Immanuel Kant. Kant's teaching on war and peace in the philosophy of the Enlightenment and German idealism: collection of abstracts]*, 2022, 86.

Gerlakh G.-M. Kant i Berlinskoye prosveshcheniye [Kant and the Berlin Enlightenment]. In: *Kantovskiy sbornik [Kant's Collection]*, 2010, (4), 13–20.

Gertner S. L., Kitov YU. V. Kul'tura kak politika. Kritika sposobnosti suzhdeniya [Culture as politics. Criticism of the faculty of judgment]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, 37–1, 31–46.

Ginsborg H. Kant's aesthetics and teleology. In: *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2008. Available at: <https://plato.stanford.edu/Entries/kant-aesthetics/>

Gurevich P. S. Estetika Immanuila Kanta [Aesthetics of Immanuel Kant]. In: *Iskusstvo kak fenomen kul'tury: traditsii i perspektivy [Art as a cultural phenomenon: traditions and perspectives]*, 2015, 129–137.

Guseva A. A. Rol' filosofii Kanta v razvitiie esteticheskikh vzglyadov Fridrikha Shillera [The role of Kant's philosophy in the development of the aesthetic views of Friedrich Schiller]. In: *Forum molodykh kantovedov (Po materialam Mezhdunarodnogo kongressa, posvyashchennogo 280-letiyu so dnya rozhdeniya i 200-letiyu so dnya smerti Immanuila Kanta) [Forum of Young Kant Scholars (Based on the materials of*

the International Congress dedicated to the 280th anniversary of the birth and 200th anniversary of the death of Immanuel Kant], 2005, 100.

Guyer P. Kant and the Philosophy of Architecture. In: *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 2011, 69(1), 7–19.

Kalinnikov L. A. Uroki kantova analiza «vozvyshehnogo» [Lessons from Kant's analysis of the «sublime»]. In: *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta* [Questions of the theoretical heritage of Immanuel Kant], 1977, 1, 81–99.

Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of the faculty of judgment], 1994, 367.

Kazakova I. B. Estetika Fridrikha Gel'derlina mezhdru Platonom i Kantom (k voprosu o formirovanii kategoriy prekrasnogo i vozvyshehnogo) [Aesthetics of Friedrich Hölderlin between Plato and Kant (on the issue of the formation of the categories of the beautiful and sublime)]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of Udmurt University. Series «History and Philology»], 2021, 31(5), 1041–1049.

Kornilov S. V. Analogiya kak printsip teleologicheskoy sposobnosti suzhdeniya [Analogy as a principle of the teleological ability of judgment]. In: *Kantovskiy sbornik: Mezhvuzovskiy temacheskii sbornik nauchnykh trudov* [Kant collection: Interuniversity thematic collection of scientific works], 1993, 1, 42–49.

Kornilov S. V. Na puti k sovremennoy filosofii biologii: opyt kritiki teleologicheskoy sposobnosti suzhdeniya [On the way to modern philosophy of biology: experience of criticism of the teleological ability of judgment]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2020, 456, 73–77.

Kostina O. V. «Kritika sposobnosti suzhdeniya» I. Kanta i problematika chastnogo [«Critique of the faculty of judgment» by I. Kant and the problems of the private]. In: *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Current problems of the humanities and socio-economic sciences], 2016, 10(S 5), 36–39.

Kvokachka A. K voprosu o kritike sposobnosti suzhdeniya Kanta. Estetika povsednevnosti v predelakh kantianskoy estetiki [On the question of criticism of Kant's ability to judge. Aesthetics of everyday life within the framework of Kantian aesthetics]. In: *Vnutri i za predelami iskusstva: genealogiya, partnery, praktiki i kontenty* [Inside and Beyond Art: Genealogy, Partners, Practices and Contents], 2020, 55–65.

Levina T. V. Vozvyshehnoye v abstraktnom ekspresionizme [The Sublime in Abstract Expressionism]. In: *Dialogi o nauke* [Dialogues about Science], 2011, 3, 27–33. Available at: https://www.hse.ru/data/2011/05/15/1213434990/Levina_Sublime_in_AbstrExpr.pdf

Magomedova Z. I., Sharbuzova, K. H. Z., Abdulayeva, I. A. Traktovka prekrasnogo v filosofii I. Kanta [Interpretation of beauty in the philosophy of I. Kant]. In: *Mirovaya nauka* [World Science], 2020, 11(44), 74–77.

Meyerovskiy B. V. I. Kant i angliyskaya estetika XVIII veka [I. Kant and English aesthetics of the 18th century]. In: *Kantovskiy sbornik: Mezhvuzovskiy temacheskii sbornik nauchnykh trudov* [Kant collection: Interuniversity thematic collection of scientific works], 1985, 1, 51–57.

Mirkes M. M. Versal' v kachestve khudozhestvennoy modeli [Versailles as an artistic model]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Krasnoyarsk State University. Humanities], 2005, 3, 77–85.

Nikitina N. N. Filosofiya iskusstva Kanta. «Kritika sposobnosti suzhdeniya». Uchebnoye posobiye [Kant's philosophy of art. «Critique of Judgment». Study guide], 2017, 76.

Nozhenko A. S. YAzyk esteticheskoy kul'tury Prosveshcheniya: ot prekrasnogo k vozvyshehnomu [The language of aesthetic culture of the Enlightenment: from the beautiful to the sublime]. In: *Prepodavaniye yazykov i kul'tur v paradigme gumanitarnogo obrazovaniya* [Teaching Languages and Cultures in the Liberal Arts Education Paradigm], 2021, 245–254.

Official website of the magazine «Kant's Collection». Available at: https://journals.kantiana.ru/kant_collection/

Oyzerman T. I. Razvitiye ponyatiya filosofii v kantovskoy «Kritike sposobnosti suzhdeniya» [Development of the concept of philosophy in Kant's «Critique of Judgment»]. In: *Kantovskiy sbornik: Mezhvu-*

zovskiy tematicheskiy sbornik nauchnykh trudov [Kant collection: Interuniversity thematic collection of scientific works], 1991, 1, 12–22.

Pukhova N. V. Problema tselesoobraznosti v «Kritike sposobnosti suzhdeniya» I. Kanta [The problem of expediency in the “Critique of Judgment” by I. Kant]. In: *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Belarusian State Economic University], 2020, 1, 94–99.

Pyl'kin A. A., Pyl'kin V. A., Pyl'kina M. S. K voprosu o kriteriyakh filosofskoy konversii (na primere analiza razlichiya mezhdru matematicheski i dinamicheski vozvyshennym u I. Kanta) [On the question of the criteria for philosophical conversion (using the example of the analysis of the difference between the mathematically and dynamically sublime in I. Kant)]. In: *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2019, 21(1–2), 100–106.

Razeyev D. N. «Kritika sposobnosti suzhdeniya» Kanta – sochineniye po filosofii nauki? [Kant's Critique of Judgment – an essay on the philosophy of science?]. In: *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* [Thought: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society], 2008, 7(1), 185–211.

Razeyev D. N. Kriticheskaya interpretatsiya kantovskoy analitiki teleologicheskoy sposobnosti suzhdeniya [A critical interpretation of Kant's analytics of the teleological faculty of judgment]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2009, 11, 74–87.

Razeyev D. N. Resheniye Kantom antinomii teleologicheskoy sposobnosti suzhdeniya [Kant's solution to the antinomy of the teleological faculty of judgment]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkina], 2009, 2(3), 80–88.

Razeyev D. N. Teleologicheskii printsip poznaniya v kontekste «Kritiki sposobnosti suzhdeniya» Kanta [The teleological principle of knowledge in the context of Kant's «Critique of Judgment»]. In: *Kantovskiy sbornik* [Kant's collection], 2010, 1, 7–14.

Rogerson, K. F. The meaning of universal validity in Kant's Aesthetics. In: *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 1982, 40(3), 301–308.

Sidorov A. M. «Esteticheskiy povorot»: ot Kanta i romantizma k sovremennoy filosofii [«Aesthetic turn»: from Kant and romanticism to modern philosophy]. In: *Kantovskiy sbornik* [Kant's collection], 2011, 2, 52–59.

Smolyanskaya N. V. Vozvyshennoye v interpretatsiyakh iskusstva postmoderna: kontseptsiya ZH.-F. Liotara dlya vystavki «Nematerial'noye» [The sublime in the interpretations of postmodern art: the concept of J.-F. Lyotard for the exhibition «Intangible»]. In: *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], 2009, 1(2), 127–140.

Stepanov V. N. Kontsept sily («Kraft») v «Kritike sposobnosti suzhdeniya» Immanuila Kanta [The concept of power (“Kraft”) in Immanuel Kant's Critique of Judgment]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2017, 2(769), 161–171.

Stolovich L. N. Aksiologicheskii podkhod k esteticheskim kategoriyam v esteticheskom uchenii Immanuila Kanta [Axiological approach to aesthetic categories in the aesthetic teachings of Immanuel Kant]. In: *Kantovskiy sbornik: Mezhdvuzovskiy tematicheskiy sbornik nauchnykh trudov* [Kant collection: Interuniversity thematic collection of scientific works], 1991, 1, 40–48.

Sudakov A. K. Filosofiya lyubvi i etika sem'i u Kanta – 2. Kritika sposobnosti suzhdeniya [Kant's philosophy of love and family ethics – 2. Criticism of the faculty of judgment]. In: *Kantovskiy sbornik* [Kant's Collection], 2017, 36(3), 21–43.

Terekhova G. L. *Filosofiya arkhitektury: uchebnoye posobiye* [Philosophy of architecture: textbook], 2007, 104.

Townsend D. From Shaftesbury to Kant: The development of the concept of aesthetic experience. In: *Journal of the History of Ideas*, 1987, 48(2), 287–305.

Tushling B. Problema sistemy transtsendental'nogo idealizma v «Kritike sposobnosti suzhdeniya» [The problem of the system of transcendental idealism in the «Critique of Judgment»]. In: *Kantovskiy sbornik: Mezhdvuzovskiy tematicheskiy sbornik nauchnykh trudov* [Kant collection: Interuniversity thematic collection of scientific works], 1991, 1, 3–12.

Vikulina K. D. Nablyudeniya Immanuila Kanta nad chuvstvom prekrasnogo i vozvyshennogo [Immanuel Kant's observations on the sense of the beautiful and sublime]. In: *Pirogovskiy chteniye [Pirogov Readings]*, 2021, 94–98.

Vitruviiy. Desyat' knig po arkhitekture [Ten books on architecture], 1936, 326.

Volzhin S. V. «Ser'yeznoye zanyatiye voobrazheniya»: tvorchestvo i nasiliye v svete kantovskoy analitiki vozvyshennogo [«The Serious Business of Imagination»: Creativity and Violence in the Light of Kant's Analytics of the Sublime]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin]*, 2017, 1, 25–33.

Zagorodneva YU. A. «Otgoloski» I. Kanta v sovremennom iskusstve [«Echoes» of I. Kant in modern art]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 2012. 4(258), 98–100.

Zhukovskiy V. I. *Formula garmonii: Sekrety shedevrov iskusstva [Formula of harmony: Secrets of masterpieces of art]*, 2001, 206.

Zhukovskiy V. I. *Teoriya izobrazitel'nogo iskusstva [Theory of fine arts]*, 2011, 495.

Zhukovskiy V. I., Koptseva, N. P., Pivovarov, D. V. *Vizual'naya sushchnost' religii [The visual essence of religion]*, 2006, 460.